

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 591–605, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902/904:636(470.57)“653”

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.)

Алексей Александрович Романов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
аспирант

 0000-0002-9984-3555. E-mail: romanov-aleksey-88@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Романов А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Городище Уфа-2 — памятник эпохи средневековья, расположенный на территории современного города Уфы. Основная масса артефактов, полученных археологами в процессе его исследования, датируется периодом от первой половины II – начала III вв. н. э. до второй половины VII в. н. э. Время постройки крепостных сооружений соотносится с началом III вв. н. э. *Цель статьи* — осветить результаты изучения остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на городище Уфа-2 в 2013 и 2016 гг., и динамику состава стада домашних копытных в течение периода функционирования памятника. *Результаты.* Анализ особенностей распределения костного материала по глубине культурного слоя поселенческой части памятника позволил уточнить выявленную на материалах раскопа 2017 г. закономерность. В нижней части культурного слоя (этап 1) наблюдается преобладание костей мелкого рогатого скота. Далее (этап 2) происходит снижение доли костей этого вида и увеличение количества костей лошади с постепенным их выравниванием. Выделенный в 2017 г. этап 3 на материалах 2013 г. четко проследить не удалось, что связано, вероятно, с нарушением целостности культурного слоя на данном участке и методикой отбора остеологического материала. В ходе археологического изучения рва в 2016 г. сформировалась гипотеза, согласно которой построенное в III–IV вв. н. э. фортификационное сооружение (ров) функционировало на протяжении не более одного-двух столетий, после чего неоднократно подвергалось засыпанию грунтом, взятым с площадки поселенческой части памятника. *Выводы.* Анализ остеологических коллекций из не потревоженных современными вкопами напластований в заполнении рва (этапы засыпки № 1 и 2) показал, что хронологически этап № 1 может быть соотнесен с началом увеличения в культурном слое жилой части городища керамики турбаслинской культуры и романовского типа. Второй этап, вероятно, сформировался ближе к середине – окончанию

чанию этого хронологического отрезка. Таким образом, полученные выводы подтверждают и уточняют гипотезу, предложенную на основе анализа археологических данных.

Ключевые слова: животноводство, раннее средневековье, Южное Предуралье, археозоология, бахмутинская культура, кушнаренковская культура, турбаслинская культура, романовский тип, городище Уфа-2

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Романов А. А. Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 591–605. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

UDC 902/904:636(470.57)''653''

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016 Revisited

*Aleksey A. Romanov*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0002-9984-3555. E-mail: romanov-aleksey-88@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Romanov A. A., 2020

Abstract. Goals. The article discusses results of studies that dealt with osteological collections obtained during excavations at Ufa-2 hillfort in 2013 and 2016. Special attention is paid to the dynamics in livestock structure during the period of the monument's functioning. **Results.** Analysis of the bone material distribution in the cultural layer of the once inhabited part of the monument makes it possible to clarify the consistent pattern revealed earlier through materials of 2017 excavations. The lower stratum of the cultural layer (stage 1) is dominated by bones of sheep and goats, while the upper ones (stage 2) witness a decrease in the share thereof accompanied by a gradual increase in the number of horse bones. Stage 3 identified in 2017 is not clearly distinguishable in the materials obtained in 2013, which might be due to a violation of the cultural layer integrity in the area and employed methods of osteological materials selecting. 2016 archaeological survey of the moat gave rise to a hypothesis that the fortification (moat) was built in the 3rd–4th centuries AD and functioned for one or two centuries only to be further repeatedly filled with soil taken from the inhabited part of the site. **Conclusions.** Analysis of osteological collections from undisturbed layers of the moat (backfilling stages 1 and 2) shows that chronologically stage 1 can be correlated to an increase in the amount of Turbasli culture and Romanovka type ceramics in the cultural layer of the inhabited areas. And stage 2 may have taken shape by the middle or end of the chronological period. Thus, the findings confirm and clarify the hypothesis proposed on the basis of the analysis of archaeological data conducted.

Keywords: livestock breeding, Early Middle Ages, Southern Cis-Urals, archaeozoology, Bakhmutino culture, Kushnarenkovo culture, Turbasli culture, Romanovka type, Ufa-2 hillfort

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Romanov A. A. Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016 Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 591–605. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Введение

Городище *Уфа-2* — памятник, расположенный на территории современного города Уфы, на коренной террасе правого берега р. Белой. Площадка памятника располагается на высоком мысу, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами [Русланов и др. 2016: 5]. На городище был выявлен культурный слой, мощностью более 3 м [Ищериков 1959: 97–113; Иванов 2007: 67; Русланов, Русланова 2015: 339]. С напольной стороны мыс был перегорожен валом и рвом [Русланов и др. 2016: 6]. Радиоуглеродное датирование, результаты которого были опубликованы Ф. А. Сунгатовым и В. А. Левченко [Сунгатов, Левченко 2014: 44–55], показало, что площадка начала осваиваться человеком в первой половине II — начале III вв. н. э. Верхняя граница была получена в пределах второй половины VII в. н. э. Время постройки крепостных сооружений соотносится с началом III вв. н. э. [Сунгатов, Левченко 2014: 51].

С этими датами согласуется и основная масса полученных артефактов. На памятнике были выявлены находки, соотносимые с имендьяшевским типом финала эпохи раннего железа — начального этапа раннего средневековья, бахмутинской (чандарского типа), турбаслинской, кушнаренковской и именьковской (романовского типа) культурами и караякуповским типом эпохи раннего средневековья, чияликской культурой и древностями Золотой Орды эпохи развитого средневековья, а также этнографическим периодом существования современного города Уфы. Однако напластования, из которых получены обсуждаемые в этой работе остеологические коллекции, сформировались, по всей видимости, в эпоху раннего средневековья [Шутелева и др. 2013: 54; Шамсутдинов 2018, 1: 73].

Более поздние материалы, обнаруженные на городище, связаны, по всей видимости, с очагами разовой хозяйственной деятельности, осуществлявшейся на площадке заброшенного к тому времени поселения во второй половине I тыс. н. э. [Иванов 2012: 413–413; Антонов 2013: 31; Русланов и др.

2016: 57; Гарустович и др. 2018: 35; Антонов 2018: 184–185].

В настоящий момент зафиксировать напластования данного периода не представляется возможным из-за высокого уровня хозяйственной нагрузки на территорию в XIX–XX вв. Таким образом, исходя из имеющихся данных, остеологические коллекции городища *Уфа-2* будут рассматриваться нами как продукт жизнедеятельности населения эпохи раннего средневековья, а именно — бахмутинской (чандарского типа), турбаслинской, именьковской (романовского типа) и кушнаренковской культур.

В ходе изучения памятника в период с 2006 по 2017 гг. был получен богатый археозоологический материал, позволивший установить роль охоты, рыбной ловли и животноводства в жизнеобеспечении раннесредневекового населения лесостепного Предуралья [Сатаев и др. 2011: 101–105; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Шамсутдинов и др. 2015: 168–176; Русланов и др. 2016: 80–95].

На остеологических материалах, полученных в 2017 г. (рис. 1), впервые на памятнике было проведено исследование, позволившее соотнести изменения в составе стада и в пищевых предпочтениях жителей городища с изменениями в соотношении фрагментов керамики разных культурных групп по глубине культурного слоя [Пластеева, Девяшин 2019: 152–185].

Согласно опубликованным данным, на нижних пластах раскопа бахмутинская керамика и керамика турбаслинского и романовского типов залегают совместно. При этом отмечается количественное преобладание первой. На втором этапе отмечается увеличение доли турбаслинской и романовской керамики. На финальном этапе в керамическом материале появляется керамика кушнаренковского типа [Белявская, Проценко 2018: 204–224].

На материале 2017 г. раскопок было проанализировано соотношение количества костей четырех видов одомашненных животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья) в выделенных группах напластований (рис. 1).

В результате удалось установить, что в нижней группе пластов (15–19), ассоциированных с преобладанием керамического материала бахмутинской культурной группы, наблюдается наибольшая доля костей мелкого рогатого скота. На втором этапе (пласты 8–14), связанном с увеличением в керамическом материале количества фрагментов сосудов турбаслинской и именьковской (романовский тип) культур, выявляется значимое снижение доли костей мелкого рогатого скота и увеличение количества костей лошади. В верхней группе пластов (1–7), выделенных на основании появления в них керамики кушнаренковской культуры [Белявская, Проценко 2018: 204–224], доля костей лошади максимальна, а костей

мелкого рогатого скота, напротив, — минимальна (рис. 1).

Однако следует отметить, что установленная закономерность была описана на материалах небольшого по площади (24 м²) и количеству определимых фрагментов (9 542) раскопа [Белявская 2019 1: 15; Пластеева, Девяшин 2019: 152–185]. Для ее подтверждения нами были отобраны материалы, полученные на городище в 2013 г.

Цель статьи — осветить результаты изучения остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на городище Уфа-2 в 2013 и 2016 гг., и динамику состава стада домашних копытных в течение периода функционирования памятника.

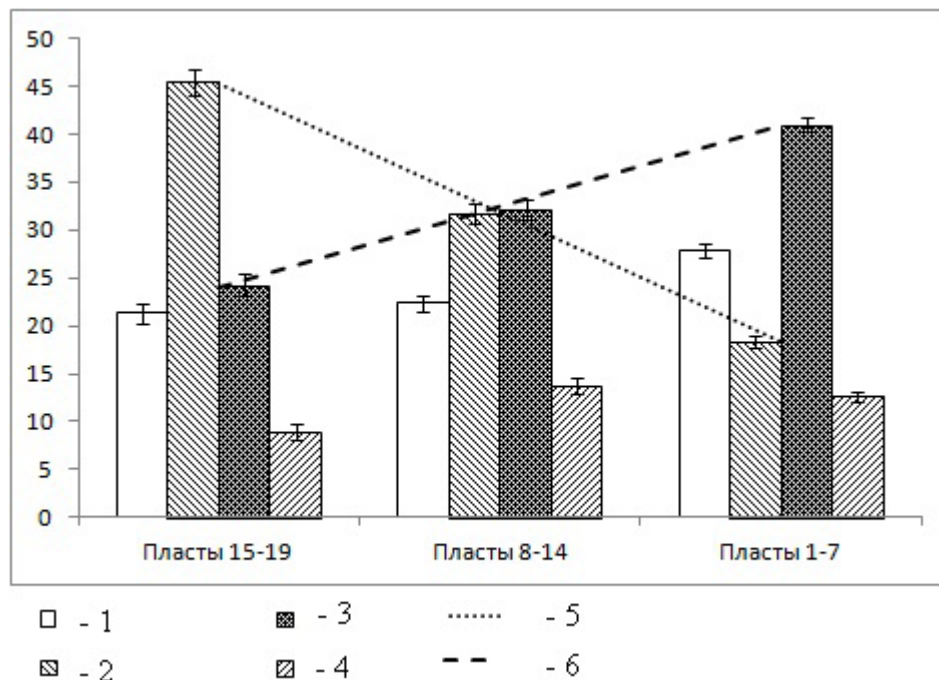

Рис. 1. Распределение остеологических фрагментов одомашненных видов животных по глубине раскопа 2017 г. (по данным: [Пластеева, Девяшин 2019: табл. 1])

[Fig. 1. Distribution of domesticated animals' osteological fragments by excavation depth. 2017]

Обозначения: 1 — крупный рогатый скот, 2 — мелкий рогатый скот, 3 — лошадь, 4 — свинья, 5 — линия тренда для мелкого рогатого скота, 6 — линия тренда для лошади

Legend: 1 — cattle, 2 — goats and sheep, 3 — horses, 4 — pigs, 5 — trend line for goats and sheep, 6 — trend line for horses

Материалы и методы

В рамках данной статьи рассматриваются остеологические материалы, полученные при проведении раскопок 2013 и 2016 гг. (рис. 2). Раскоп 2013 г. общей площадью 152 м² затрагивает часть оборонительного сооружения городища — вала, а также прилегающий к нему культурный слой посе-

ленческой части памятника [Шутелева и др. 2013: 13–16]. В ходе раскопок 2013 г. были получены обширные остеологические коллекции, но в нашей статье будут рассматриваться только материалы, полученные при изучении поселенческой части памятника (табл. 1), поскольку коллекция костей из раскопок вала не информативна.

Существует «нестыковка» в расположении раскопа 2013 г. на планах городища. В схеме, предложенной авторами отчета [Шутелева и др. 2013: 87], данный участок смещен западнее и не перекрывается с площадками 2006–2007 г., однако на уточненных схемах, представленных в более поздних работах [Белявская 2019, 2: рис. 9], видно, что часть раскопа 2013 г. заходит на рекультивированные отложения ранее исследованных квадратов (рис. 2). Таким образом, остеологические материалы, полученные в этих квадратах, не могут быть однозначно привязаны к ненарушенным отложениям и, следовательно, должны быть исключены из выборки.

В 2016 г. был исследован участок 52 м², заложенный на месте оборонительного рва [Шамсутдинов 2018, 1: 12–13]. Данные раскопы, как видно на прилагающейся схеме (рис. 1), расположены близко к краю памятника и друг к другу, образуют единый разрез, затрагивающий как фортификационные сооружения (ров и вал), так и поселенческую часть памятника.

Количественно полученные в 2013 и 2016 гг. коллекции распределяются следующим образом (табл. 1): 2013 г. — 13 871 костный фрагмент из культурного слоя поселенческой части памятника (определено до вида или рода 64,13 %); 2016 г. — 6 285 костных фрагментов (определено до вида или рода 66,94 %)¹.

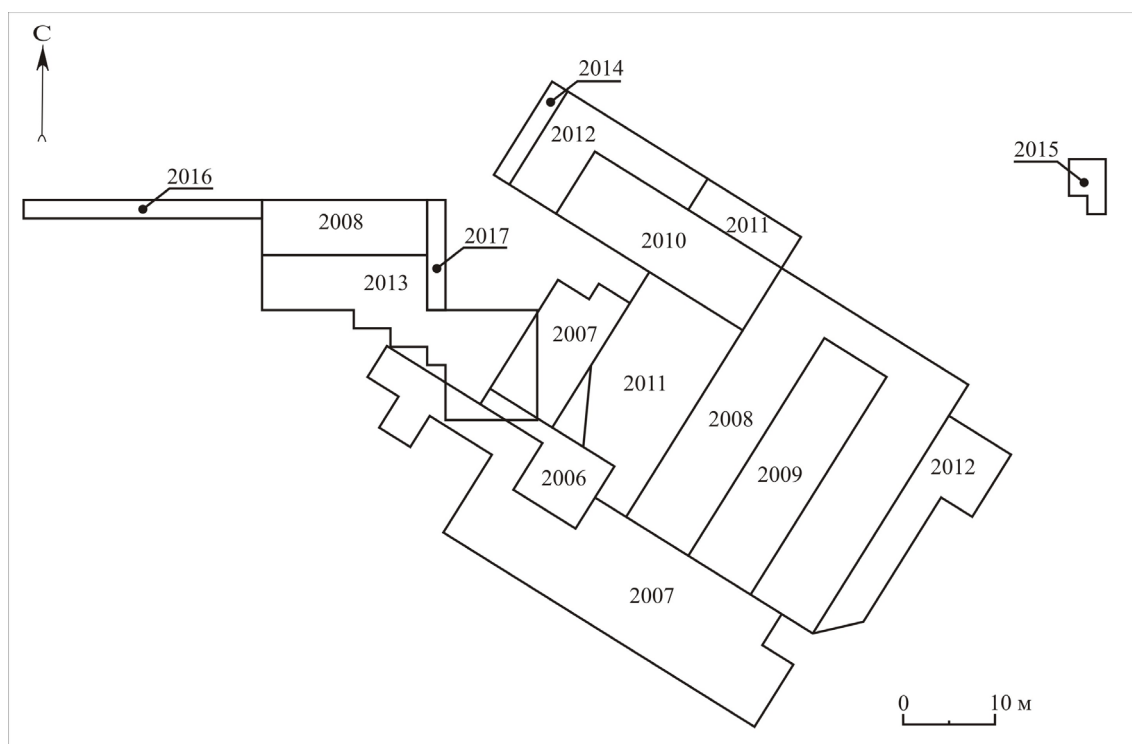

Рис. 2. Общий план расположения раскопов на городище Уфа-2 за все годы исследований
[Fig. 2. General layout of excavations at Ufa-2 hillfort over the years of research]

Кости животных сильно раздроблены, большая часть несет следы воздействия огня, разделки туши животных (порезы, разрубы, следы целенаправленного дробле-

ния), а также имеет погрызы хищников и грызунов. Остеологический материал представляет собой, по всей видимости, «кухонные остатки». Результаты видового определения материалов, выполненные автором статьи, были включены в научный отчет о результатах проведения археологических раскопок в 2016 г. [Шамсутдинов 2018, 1: 143–150], однако представленные в этом отчете данные, к сожалению, включают ряд

¹ Видовое определение остеологического материала производилось в 2016 г. на основании эталонных коллекций автора, находящихся на хранении в Государственном бюджетном учреждении Республиканском историко-культурном музей-заповеднике «Древняя Уфа».

неточностей, которые будут исправлены в настоящей статье. Так некоторые кости были изначально определены как принадлежащие диким подвидам животных (кабан, волк), однако после консультации с сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН (ИЭРиЖ УрО РАН) упомянутые фрагменты были переопределены. В данной статье эти материалы включены в список одомашненных подвидов, а именно — свинья и собака (табл. 1).

Остеологические материалы 2013 и 2016 гг. показывают более бедный состав

диких видов животных, чем тот, что был выявлен в 2017 г. [Пластеева, Девашиш 2019: 171, табл. 1]. Количественно во всех коллекциях преобладают кости домашнего скота. На долю охотничье-промысловых видов животных приходится чуть более 1 % определенных до вида или рода фрагментов (табл. 1). Состав диких видов животных соответствует фауне Предуралья в эпоху средневековья [Гасилин, Косинцев 2008: 91]. На долю остатков рыб приходится не более 0,33 % определимых фрагментов. Кости птиц составляют от 0,68 до 0,93 % (табл. 1).

Таблица 1. Состав остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на фортификационных сооружениях городища Уфа-2 в 2013 и 2016 гг.

[Table 1. Structure of osteological collections discovered during excavations of fortifications at Ufa-2 hillfort. 2013 and 2016]

Вид	2013 г.			2016 г.		
	Единиц	В %		Единиц	В %	
Мелкий рогатый скот	5 285	38,10	97,85	1 519	36,11	97,58
Лошадь	4 617	33,29		1 480	35,18	
Крупный рогатый скот	3 002	21,64		856	20,35	
Свинья	665	4,79		245	5,82	
Верблюд				1	0,02	
Собака	4	0,03	1,24	4	0,10	1,16
Сурок	134	0,97		45	1,07	
Бобр	18	0,13		3	0,07	
Бурый медведь	14	0,10				
Лось	6	0,04		1	0,02	
Рыба	31	0,22		14	0,33	
Птица	95	0,68		39	0,93	
Неопределимые фрагменты — <i>Mammalia indet.</i>	7 760			965		

Анализ однородности распределения костных фрагментов домашнего скота по глубине раскопа жилой части памятника в 2013 г. производился по группам пластов (рис. 3). Пласты группировались исходя из представленных в отчете археологов данных о смене напластований, выявленных в процессе изучения памятника [Шутелева и др. 2013: 16–21].

В настоящий момент группировка пластов на основании анализа керамического материала, с выделением трех этапов смены населения городища, на данном участке

не представляется возможной, так как отсутствует анализ распределения фрагментов сосудов по глубине культурного слоя. Соотнесение выделенных этапов 2017 г. с напластованиями 2013 г. также невозможно ввиду различий в мощности выделяемых условных горизонтов [Шутелева и др. 2013: 15; Белявская 2019, 1: 15].

Материал, полученный при обследовании участка крепостного рва, также был сгруппирован (рис. 4). Основанием для группировки послужила особенность напластований, выявленная при проведении

археологических работ. Были подвергнуты группировке остеологические коллекции, полученные на 1–2 пластах, так как данные пласты извлекались не на всей

площади раскопа, а только в пределах нескольких квадратов, расположенных за внешним краем рва [Шамсутдинов 2018, 1: 21–23].

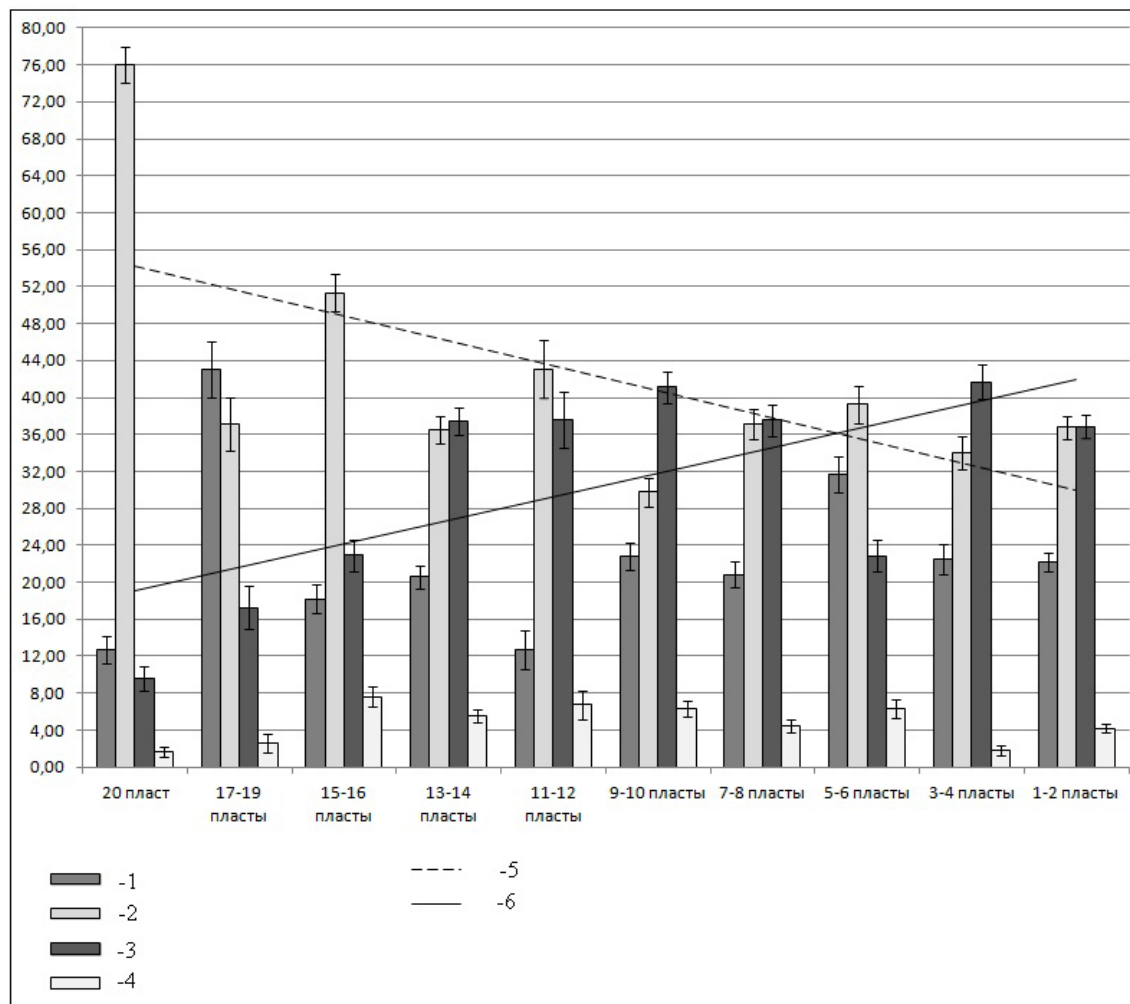

Рис. 3. Изменение соотношения костей одомашненных видов животных (в %) по глубине раскопа 2013 г.

[Fig. 3. Changes in the ratio of domesticated animals' bones (to each other, in percentage terms) by excavation depth. 2013]

Обозначения: 1 — крупный рогатый скот, 2 — мелкий рогатый скот, 3 — лошадь, 4 — свинья, 5 — линия тренда для мелкого рогатого скота, 6 — линия тренда для лошади
 Legend: 1 — cattle, 2 — goats and sheep, 3 — horses, 4 — pigs, 5 — trend line for goats and sheep, 6 — trend line for horses

Согласно данным из отчета [Шамсутдинов 2018, 1: 72; Шамсутдинов 2018, 4: рис. 491–498], заполнение рва на уровне пластов 8–11 представлено слоем плотной глины с затеками темного грунта (слой № 19), что соответствует слою, который сформировался при первом засыпании рва. Исходя из этого, остеологические коллек-

ции, полученные на уровне пластов 9–11, также были сгруппированы. В пределах пласта 8 происходит совмещение слоев, морфологически соотносимых с первым и вторым этапами засыпания рва [Шамсутдинов 2018, 1: 72], поэтому полученные здесь материалы считаются нами смешанными.

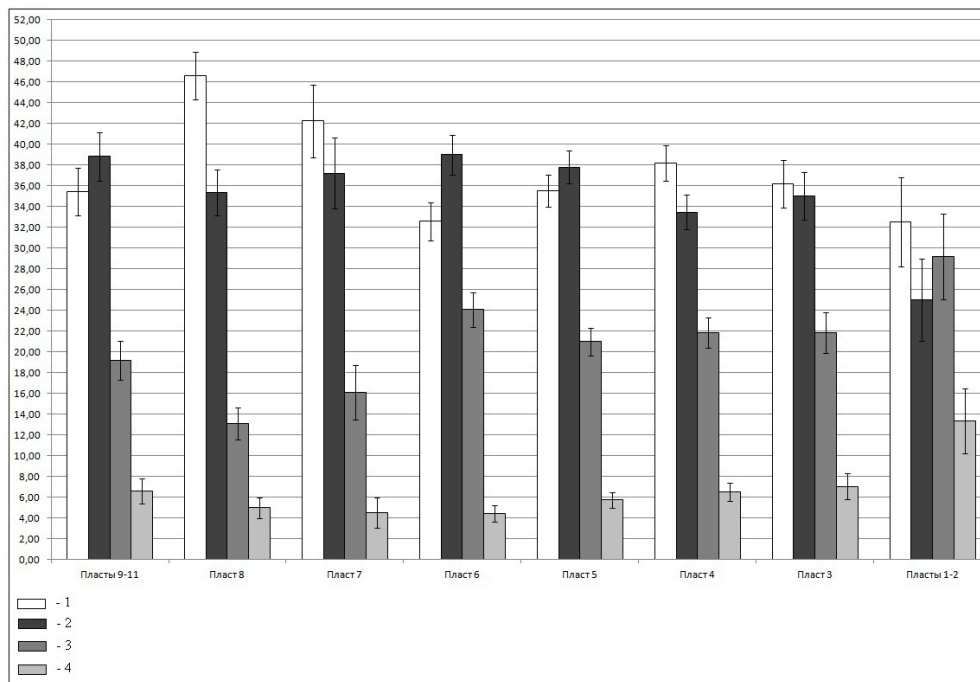

Рис. 4. Изменение соотношения костей одомашненных видов животных (в %) по глубине раскопа 2016 г.

[Fig. 4. Changes in the ratio of domesticated animals' bones (to each other, in percentage terms) by excavation depth. 2016]

Обозначения: 1 — мелкий рогатый скот, 2 — лошадь, 3 — крупный рогатый скот, 4 — свинья
 Legend: 1 — goats and sheep, 2 — horses, 3 — cattle, 4 — pigs

Второй этап (слой № 7) был соотнесен автором раскопа со слоем грунта средней плотности и коричневого оттенка, состоящего из неравномерного перемеса глины и серозема [Шамсутдинов 2018, 1: 72; Шамсутдинов 2018, 4: рис. 491–498]. Этот слой начинает фиксироваться на уровне пласта 5. Основная масса слоя находится в пределах 6–7 пластов [Шамсутдинов 2018, 1: 28–34]. При этом на уровне седьмого горизонта выделяются слои как первого, так и второго этапов засыпания рва, а потому соотношение костей животных нужно рассматривать как перемешанное. В пределах же пятого горизонта были зафиксированы современные вкопы, затронувшие три квадрата из семи обследованных на уровне этого пласта [Шамсутдинов 2018, 1: 28–29].

Таким образом, опираться на полученные из седьмого пласта материалы невозможно. Исходя из этого, достоверно соотносить со вторым этапом засыпания рва можно только материалы, полученные на уровне пласта 6. Пласты 1–5 были сильно

потревожены в ходе хозяйственной деятельности в XX в., поэтому материалы, полученные из них, рассматриваться не будут.

Подъемный материал в исследовании не учитывался. Выявленные в 2016 г. на уровне пластов 4 и 5 скопления костей животных [Шамсутдинов 2018, 4: рис. 228–233, 294–296] анализировались с учетом представленных в них отдельных особей. Кости каждой уникальной особи принимались за единицу.

Особенности распределения остеологического материала по глубине культурного слоя

Результаты изучения коллекций 2013 г. раскопок

Крупный рогатый скот (КРС) представлен костями всех отделов скелета. Костный материал сильно раздроблен и несет на себе следы разделки туш, воздействия открытого огня, погрызы хищниками и грызунами. По количеству фрагментов этот вид находится на третьем месте и уступает лошади и мелкому рогатому скоту. Доля костей крупного

рогатого скота колеблется в пределах 20 % (рис. 3), за исключением некоторых групп пластов, где наблюдается увеличение процента костей этого вида до 43 % (пласты 17–19) и 32 % (пласты 5–6). Однако это увеличение доли крупного рогатого скота, вероятно, является следствием погрешности, связанной с общим снижением количества определенных до вида или рода фрагментов, выявленных в пределах этих пластов.

Лошадь. Были выявлены кости всех отделов скелета. Характер раздробленности костного материала принципиально не отличается от такового у крупного рогатого скота. Динамика обилия костей данного вида животных по глубине раскопа отражает тенденцию, сходную с описанной на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Наблюдается увеличение доли костей лошади с 10 до 40 % от нижних пластов к верхним (рис. 3).

Мелкий рогатый скот (МРС) представлен козами и овцами. Последние количественно преобладают. Доля костей мелкого рогатого скота максимальна (76 %) на нижних пластах раскопа и затем снижается до 32–36 % к верхним пластам (рис. 3). Подобное уменьшение количества костей МРС также коррелирует с результатами, полученными в 2017 г. Исключение составляют группы пластов 17–19 и 5–6, на которых, как было сказано выше, на фоне общего снижения количества определяемых фрагментов соотношение костей отдельных видов выбивается из описанной тенденции (рис. 3).

Свинья. Костные остатки этого вида составляют не более 8 % от общего числа костей домашних копытных. Доля этого вида минимальна (1,66 %) на нижних пластах раскопа. В средней части культурного слоя увеличивается до 5–6 % и затем вновь снижается. Изменение роли свиньи в стаде, судя по данным, собранным на разной глубине раскопа, незначительно и превышает погрешности измерения лишь в нижней части культурного слоя, на границе пластов 17–19 и 15–16 (рис. 3).

Дикие животные. Видовое разнообразие костей диких видов животных гораздо беднее, чем это наблюдалось на других частях памятника [Сатаев и др. 2011: 102; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Романов, Русланов 2015: табл. 2; Пластеева, Девяшин 2019: 161–163].

Больше всего (0,97 %) костей принадлежит сурку. Механизм накопления костей этого вида в культурном слое на данный момент не изучен. Вполне вероятно, что данный вид проживал на территории Уфимского полуострова, и его кости накапливались в культурном слое естественным образом. Однако нужно отметить, что в настоящий момент этот вид проживает значительно южнее [Атлас 2005: 129]. Ранее высказывалось предположение [Сатаев, Куфтерин 2014: 335], что попадание костей сурка в культурный слой может быть связано с охотничьей деятельностью населения городища. Косвенно это подтверждается тем, что вид представлен в основном костями проксимальных отделов конечностей. Такое избирательное накопление костей в культурном слое могло происходить в том случае, если животные добывались и разделывались за пределами городища, а на территорию памятника приносились уже снятые шкурки животных с остатками конечностей. В меньшей степени представлены кости медведя — 0,1 %, бобра — 0,13 % и лося — 0,04 % (табл. 1). Эти виды также представлены костями проксимальных и дистальных отделов конечностей.

Птицы и рыбы. Кости птиц и рыб составили 0,68 и 0,22 % от общего количества определимого материала соответственно. Ранее отмечалось [Романов, Русланов 2015: 67–69], что распределение остатков птиц и рыб на разных участках памятника неравномерное. Наибольший их процент был обнаружен в материалах раскопа 2015 г. (птицы — 3,26 %; рыбы — 4,22 %). Этот участок располагался на периферии городища, вблизи ограничивающего его с северо-восточной стороны водотока (рис. 2). В материалах раскопок центральной части памятника (2012 и 2014 гг.) количество костей этих видов несколько ниже и составляет от 0,63 до 1,16 % для рыб и от 0,73 до 0,81 % для птиц [Русланов и др. 2016: 81].

Анализ костей рыб свидетельствует, что население городища обладало развитыми способами добычи различных видов рыб [Шевченко, Гимранов 2016б: 252]. В то же время археологами не были обнаружены изделия, которые можно было бы однозначно интерпретировать как орудия рыбной ловли. Исключение составляет единственное грузило [Шевченко, Гимранов 2016а: 175].

Таким образом, остеологические материалы, полученные на данной площадке памятника, показывают идентичную с материалами 2017 г. закономерность в изменении состава стада домашних копытных по глубине культурного слоя. Важно отметить, что согласно опубликованным ранее результатам 2014–2015 гг. в центральной части памятника и на его северо-западной периферии изменений в соотношении костей одомашненных видов животных не наблюдается [Романов, Русланов 2015: 65–72; Романов, Шевченко 2015: 61–65]. Причины, обуславливающие различия, которые выявлены на разных участках памятника, в данный момент не установлены. Одной из возможных причин могут являться хронологические особенности в отложении культурных напластований. Также важно отметить, что верхняя часть культурного слоя на большей части исследованной площади памятника сильно потревожена фундаментами построек периода функционирования современного города Уфа [Шутелева и др. 2013: 7–8]. Для точного установления причин этих различий необходимо проведение дальнейших исследований остеологических и керамических коллекций, полученных на разных участках городища.

Опираясь на информацию о соотношениях костей одомашненных видов животных, напластования, выявленные в 2013 г., можно соотнести с первым (пласты 15–20) и вторым (пласты 5–14) этапами функционирования городища *Уфа-2*, выявленными на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Третий этап, характеризующийся преобладанием доли костей лошади и крупного рогатого скота над мелким рогатым скотом, достоверно проследить в материалах раскопок 2013 г. не удалось. Однако это может быть связано с разными методиками сбора остеологического материала в 2013 и 2017 гг. Тем не менее выявленная ранее на материалах раскопа небольшой площади общая тенденция к увеличению доли костей лошади и уменьшению доли костей мелкого рогатого скота в привальной части жилой площадки городища была подтверждена (рис. 3).

Результаты изучения коллекций 2016 г. раскопок

Остеологические коллекции, полученные при раскопках рва городища, также не имеют принципиальных отличий в видовом

составе животных от материалов, полученных при проведении раскопок культурного слоя поселенческой части памятника в 2013 и 2017 гг. (табл. 1). Основная масса костного материала представляет собой кухонные остатки преимущественно одомашненных видов животных (97,58 %).

Крупный рогатый скот. Доля костей КРС увеличивается от нижних пластов к верхним с 19 до 29 % (рис. 4). Однако, учитывая погрешности измерения, можно сказать, что разница в доле костей крупного и мелкого рогатого скота в пределах 6–11 пластов, не несущих в себе следов современного антропогенного воздействия [Шамсутдинов 2018, 1: 17–44], проявляется незначительно, и только в самой верхней (пласт 6) части напластований. Процентное соотношение костей крупного рогатого скота в нижней части заполнения рва соответствует доле этого вида в коллекциях, полученных на этапах 1 и 2 раскопа 2017 гг. (рис. 1).

Мелкий рогатый скот представлен исключительно овцой. Костей, принадлежавших козе, выявлено не было. Накопление материала происходило как посредством сохранения в напластованиях отдельных костей и их фрагментов, так и за счет попадания в ров достаточно полных туш животных. Наиболее крупное скопление, состоящее из туловищного и головного отделов скелета овцы, было выявлено на границе квадратов 51 и 56 на уровне пласта 4. Рядом с этим скелетом были обнаружены фрагменты костей скелета и черепа лошади, нижних челюстей крупного рогатого скота, а также развал керамического сосуда [Шамсутдинов 2018, 4: рис. 228–233]. Автор отчета интерпретирует данное скопление как выброс пищевых отходов в период активного функционирования городища [Шамсутдинов 2018, 1: 27], однако учитывая то, что культурный слой в пределах квадрата 51 был потревожен в XX в., что выражается в большом скоплении строительного и бытового мусора [Шамсутдинов 2018, 1: 26], можно сделать вывод, что грунт, несущий эти остеологические и керамические материалы, мог быть перемещен туда значительно позднее. В нижних, нетронутом современным антропогенным воздействием слоях доля костей мелкого рогатого скота сначала увеличивается с 35 до 46 %, а затем происходит ее уменьшение до 32 % (рис. 4).

Лошадь. Остеологический материал также представлен костями всех отделов скелета. Раздробленность материала принципиально не отличается по своему характеру от таковой для крупного рогатого скота. Доля фрагментов костей лошади составляет в среднем около 35 % (табл. 1). В пределах непотревоженных слоев изменения в соотношении костей лошади по отношению к общему количеству определяемых костей домашних копытных по глубине не наблюдается (рис. 4).

Свинья. Доля костей этого вида домашнего скота составляет чуть менее 6 % от общего количества определяемого материала домашнего скота (табл. 1). На уровне горизонтов 6–11 доля костей свиньи не изменяется (рис. 4). Были выявлены кости всех отделов скелета. В большей степени свинья представлена скелетированными останками головы и проксимальных отделов конечностей. Кости туловища и дистальных отделов конечностей менее распространены. Такое распределение характерно для кухонных остатков.

Верблюд. В раскопе рва была обнаружена кость, принадлежавшая верблюду. Ранее на территории городища уже обнаруживались кости этого нетипичного для Южного Предуралья вида животного [Сатаев и др. 2011: 102; Романов, Русланов 2015: 70]. Исследователями высказывалась гипотеза [Сатаев и др. 2011: 103], что эти животные попадали на территорию городища с торговыми караванами из Средней Азии. Однако анализ изотопов Sr, проведенный М. Б. Медниковой на единственной кости верблюда из раскопа 2015 г., показал, что данное животное по меньшей мере несколько лет выпасалось на территории со сходными Предуралью геохимическими условиями [Русланов и др. 2016: 109]. Важно понимать, что данный анализ был сделан на единственной кости, и для получения более точных данных требуются дополнительные исследования. Всего на территории памятника в разные годы исследований было обнаружено 95 фрагментов костей верблюда [Сатаев и др. 2011: 102; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Романов, Русланов 2015: табл. 2; Пластеева, Девяшин 2019: 160–161]. Изучение костей этого вида животных имеет большое значение для исследования вопроса караванной торговли.

Заключение

Изменение доли разных видов домашних животных по глубине культурного слоя приваловой территории поселенческой части памятника (раскоп 2013 г.) подтверждает тенденцию, выявленную первоначально на небольшом участке памятника в раскопе 2017 г. (рис. 1). На нижних слоях раскопа преобладают кости мелкого рогатого скота, но в дальнейшем главную роль в стаде занимает лошадь (рис. 3).

Доля костей крупного рогатого скота и свиньи по глубине раскопа существенно не меняется. Описанные изменения могут быть связаны с трансформацией хозяйства населения городища, происходившей под влиянием притока пришлых племен, носителей турбаслинской культуры и романовского археологического типа, а затем кушнаренковской культуры. Данное наблюдение особенно интересно, так как в исследованиях, проведенных на материалах центральной и северо-западной части памятника, данная тенденция исследователями не выявлялась [Романов, Русланов 2015: 65–72; Романов, Шевченко 2015: 61–65]. На основании выявленного соотношения костей одомашненных видов животных к первому этапу функционирования памятника на участке раскопа 2013 г. могут быть отнесены пласты 20–15. Ко второму этапу, по всей видимости, относятся пласты 14–8. Третий этап на материалах поселенческой части раскопа 2013 г. однозначно проследить не удалось. Материалы 1–7 условных горизонтов были, по всей видимости, сильно перемешаны в более поздний период (рис. 3).

Материалы, полученные при исследовании непотревоженных современным воздействием напластований заполнения рва, показывают следующие закономерности: доля костей мелкого рогатого скота в пределах зафиксированного при проведении раскопок нижнего слоя (слой № 19) соответствует этапу 1, выделенному на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Однако доля костей лошади превышает полученные для первого этапа данные. Разница составила порядка 10 %. Относительное количество остеологических фрагментов этого вида больше соответствует второму этапу (рис. 1). Вероятно, данный слой заполнения рва мог сформироваться в пределах начала второго этапа существования городища и

быть связанным с приходом на городище населения турбаслинской археологической культуры и романовского типа.

В пределах второго этапа засыпания рва (слой № 7) мы видим снижение доли костей мелкого рогатого скота до 32 % и увеличение доли костей лошади до 38 %. Сравнение этих данных с результатами исследований 2017 г. (рис. 1) позволяет предполагать, что данный слой мог быть сформирован в период, соотносимый со вто-

рым этапом функционирования городища *Уфа-2*. Высказанная нами гипотеза косвенно подтверждает точку зрения М. Р. Шамсутдинова [Шамсутдинов 2018, 1: 72] о том, что ров функционировал не более одного–двух столетий, после чего жителями городища было принято решение о его засыпании. Однако нужно отметить, что данные выводы являются предварительными и требуют продолжения детальных междисциплинарных исследований.

Источники

Белявская 2019, 1 — Белявская О. С. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан, в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. 2019. Т. 1. 202 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Белявская 2019, 2 — Белявская О. С. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан, в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. 2019. Т. 2. 176 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Пластеева, Девяшин 2019 — Пластеева Н. А., Девяшин М. М. Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II (материалы 2017 года раскопок) // Белявская (Крапачева) О. С. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан,

в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. Т. 1. Уфа. 2019. С. 152–185 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Сатаев, Куфтерин 2017 — Сатаев Р. М., Куфтерин В. В. Результаты археозоологических исследований на городище Уфа-II // Русланова (Тамидарова) Р. Р. Научный отчет об итогах проведения археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2012 году. Т. II. Уфа. 2017. С. 58–60 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 35572; № 35573: альбом иллюстраций к отчету.

Шамсутдинов 2018, 1 — Шамсутдинов М. Р. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2016 г. Т. 1. Уфа, 2018. 152 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 57731; № 57732: приложения к отчету; № 57733–57734: альбомы иллюстраций к отчету.

Шамсутдинов 2018, 4 — Шамсутдинов М. Р. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2016 г. Т. 4. Уфа, 2018. 185 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 57731; № 57732: приложения к отчету; № 57733–57734: альбомы иллюстраций к отчету.

Sources

Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufinsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. Ufa, 2019. Vol. 1. 202 p. At: Scientific

Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. Ф-1. Cat. Р-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)

Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufinsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific

- Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. Ufa, 2019. Vol. 2. 176 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. Ф-1. Cat. P-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)
- Plasteeva N. A., Devyashin M. M. Osteological remains of mammals from Ufa-2 (materials of 2017 excavations): results of investigation. In: Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufimsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. 2019. Vol. 1. Ufa, 2019. Pp. 152–185. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)
- Sataev R. M., Kufterin V. V. Ufa-2 hillfort: results of archaeozoological investigation. In: Ruslanova (Tamidarova) R. R. Summarizing Results of 2012 Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 2. Ufa, 2017. Pp. 58–60. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 35572; 35573: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R. Summarizing Results of 2016 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 1. Ufa, 2018. 152 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 57731; 57732: Supplements to the Report; 57733–57734: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R. Summarizing Results of 2016 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 4. Ufa, 2018. 185 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 57731; 57732: Supplements to the Report; 57733–57734: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)

Литература

- Антонов 2013 — Антонов И. В. К вопросу о городах на территории Башкирии в XIII–XV веках // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). История. Вып. 58. С. 29–33.
- Антонов 2018 — Антонов И. В. К вопросу о существовании городов на территории Башкирии в эпоху Золотой Орды (XIII–XIV вв.) по данным археологии // Научный диалог. 2018. № 4. С. 179–190. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-179-190
- Атлас 2005 — Атлас Республики Башкортостан / Япаров И. М. (гл. ред.). Уфа: Китап, 2005. 419 с.
- Белявская, Проценко 2018 — Белявская О. С., Проценко А. С. Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху Средневековья (по материалам раскопок 2017 года) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симпозиум, посвящ. памяти видного учёного-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н. А. Мажитова / отв. ред. А. И. Уразова (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 г.). Уфа: Мир печати, 2018. С. 204–224.
- Гарустович и др. 2018 — Гарустович Г. Н., Овсянников В. В., Русланов Е. В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. № 4. С. 32–42. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42
- Гасилин, Косинцев 2008 — Гасилин В. В., Косинцев П. А. Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 12. С. 90–94.
- Иванов 2007 — Иванов В. А. Население «Уфимского полуострова» в эпоху раннего средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь. 2007. С. 64–70.
- Иванов 2012 — Иванов В. А. Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 404–414.
- Ищерики 1959 — Ищерики П. Ф. Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. Уфа: [б. и.], 1959. С. 97–113.
- Романов, Русланов 2015 — Романов А. А., Русланов Е. В. Кости млекопитающих и птиц из культурного слоя археологического памятника эпохи раннего средневековья «Городище Уфа-II» (по материалам раскопок 2015 г.) // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: мат-лы рег. науч. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 65–72.
- Романов, Шевченко 2015 — Романов А. А., Шевченко А. М. Кости животных из культурного слоя археологического памятника раннего

- средневековья «Уфа-2» // Научные труды SWorld. Вып. 2(39). Т. 19. Иваново: Научный мир, 2015. С. 61–65.
- Русланов, Русланова 2015 — Русланов Е. В., Русланова Р. Р. Фибулы эпохи великого переселения народов с городища Уфа-II // Уральский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 148–153.
- Русланов и др. 2016 — Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Древняя Уфа, 2016. 276 с.
- Сатаев, Куфтерин 2014 — Сатаев Р. М., Куфтерин В. В. Новые археозоологические исследования на городище Уфа II (материалы 2012 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 333–335.
- Сатаев и др. 2011 — Сатаев Р. М., Сатаева Л. В., Куфтерин В. В., Гимранов Д. О., Султанов Р. Р. Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 5(3). С. 101–105.
- Сунгатов, Левченко 2014 — Сунгатов Ф. А., Левченко В. А. Хронология средневекового городища Уфа-II по данным радиоуглеродного датирования культурных отложений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19. № 1. С. 44–56.
- Шамсутдинов и др. 2015 — Шамсутдинов М. Р., Русланов Е. В., Романов А. А., Тагирова Р. Ш. Городище Уфа II. Материалы раскопок 2014 года. Уфа: ДизайнПресс, 2015. 320 с.
- Шевченко, Гимранов 2016а — Шевченко А. М., Гимранов Д. О. Костные остатки рыб из средневекового городища Уфа II по материалам раскопок 2014 г. // Экология древних и традиционных обществ: мат-лы V Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. С. 173–175.
- Шевченко, Гимранов 2016б — Шевченко А. М., Гимранов Д. О. Костные остатки рыб из средневекового городища Уфа II (по материалам раскопок 2015 года) // Мат-лы IV Всерос. науч. конф. «Динамика современных экосистем в голоцене» / отв. ред. С. Н. Удальцов. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. С. 250–252.
- Шутелева и др. 2013 — Шутелева И. А., Щербakov Н. Б., Леонова Т. А., Шамсутдинов М. Р., Русланов Е. В. Уфа-II — средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года. Уфа: Инеш, 2013. 192 с.
- References**
- Antonov I. V. On question of existence of towns in Bashkiria in Golden Horde era (13th–14th centuries) according to archaeology. *Scientific Dialogue*. 2018. No. 4. Pp. 179–190. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-179-190
- Antonov I. V. On the towns in Bashkiria XIII–XV century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. Vol. 36 (327). History. No. 58. Pp. 29–33. (In Russ.)
- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S. Ancient settlement ceramic complex Ufa-II as a reflection of ethno-cultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in 2017). In: Urazova A. I. (ed.) *Ancient and Medieval Societies of Eurasia — A Cultural Crossroads. Commemorating Prof. N. A. Mazhitov. International Symposium Proceedings* (Ufa; December 6–7, 2018). Ufa: Mir Pechati, 2018. Pp. 204–224. (In Russ.)
- Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. The ancient settlement of Ufa-II in the Golden Horde period. *Oriental Studies*. 2018. No. 4. Pp. 32–42. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42
- Gasilin V. V., Kosintsev P. A. Secular dynamics of the large mammals fauna in the South Urals. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2008. No. 12. Pp. 90–94. (In Russ.)
- Ishcherikov P. F. Ufa-II hillfort. In: *Archaeology Research Papers of Bashkiria*. Ufa, 1959. Pp. 97–113. (In Russ.)
- Ivanov V. A. Four coins as an equivalent of existence of the cities in Bashkiria during an era of the Golden Horde. *Golden Horde Civilization*. 2012. No. 5. Pp. 404–414. (In Russ.)
- Ivanov V. A. Population of the ‘Ufa Peninsula’ in the Early Middle Ages. In: Belavin A. M. (ed.) *Transactions of the Kama Archaeological-Ethnographic Expeditions*. Vol. 4. Perm, 2007. Pp. 64–70. (In Russ.)
- Romanov A. A., Ruslanov E. V. Bones of mammals and birds from the cultural layer of Ufa-II hillfort, an early medieval archaeological monument: a case study of materials excavated in 2015. In: Sultanova A. N. (ed.) *8th Bashkiria Archaeological Conference of University Students and Young Scientists. Conference Proceedings*. Ufa: Bashkir State University, 2015. Pp. 65–72. (In Russ.)

- Romanov A. A., Shevchenko A. M. Bones of animals from the cultural layer of Ufa-2 hillfort, an early medieval archaeological monument. *Scientific Papers SWorld*. 2015. Vol. 19. No. 2(39). Pp. 61–65. (In Russ.)
- Ruslanov E. V., Ruslanova R. R. Fibulas of the era of Great Migration from Ufa-II hillfort. *Ural Historical Journal*. 2015. No. 15. Pp. 148–153. (In Russ.)
- Ruslanov E. V., Shamsutdinov M. R., Romanov A. A. Ufa-II Hillfort: Early Medieval Ancientries of the Ufa Peninsula. A Case Study of Archaeological Materials Excavated in 2015. Ufa: Drevnyaya Ufa, 2016. 276 p. (In Russ.)
- Sataev R. M., Kufterin V. V. New archaeozoological surveys at Ufa-II hillfort: investigating materials excavated in 2012. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.) Transactions of the 4th (20th) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 333–335. (In Russ.)
- Sataev R. M., Sataeva L. V., Kufterin V. V., Gimranov D. O., Sultanov R. R. Features of nature management of the medieval population of the Ufa Peninsula. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011. Vol. 13. No. 5(3). Pp. 101–105. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R., Ruslanov E. V., Romanov A. A., Tagirova R. Sh. Ufa-II Hillfort: A Case Study of Materials Excavated in 2014. Ufa: DizaynPress, 2015. 320 p. (In Russ.)
- Shevchenko A. M., Gimranov D. O. Fish bone remains from a medieval settlement Ufa II based on materials from the excavations in 2014. In: Matveeva N. P. (ed.) Ecology of Ancient and Traditional Societies. International Conference Proceedings (Tyumen; November 7–11, 2016). Vol. 5, in 2 parts. Part 1. Tyumen: Tyumen State University, 2016. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Shevchenko A. M., Gimranov D. O. Fish bone remains from Ufa-II hillfort: a case study of materials excavated in 2015. In: Udaltsov S. N. (ed.) Dynamics of Contemporary Ecosystems in the Holocene. Conference Proceedings. Moscow: KMK Science Publications, 2016. Pp. 250–252. (In Russ.)
- Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B., Leonova T. A., Shamsutdinov M. R., Ruslanov E. V. Ufa-II: A Medieval Hillfort in the Southern Urals. A Case Study of Materials Excavated in 2013. Ufa: Inesh, 2013. 192 p. (In Russ.)
- Sungatov F. A., Levchenko V. A. Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2014. Vol. 19. No. 1. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Yaparov I. M. (ed.) Republic of Bashkortostan: Atlas. Ufa: Kitap, 2005. 419 p. (In Russ.)

